

ОЛЕГ ЖДАН

Звонящий ручей

Редакция «Нёмана» в 70-е годы была своеобразным литературным клубом, куда могли прийти и молодые писатели, и старые, и русско-, и белорусскоязычные. Там можно было всласть поговорить не только о литературе, но и о политике, будучи уверенным, что находишься в кругу единомышленников. Там можно было принять сто (и больше) граммов, закусив кружком недорогой колбасы или не закусывая вовсе. Там я познакомился со многими замечательными писателями, а главное — с Валентином Ефимовичем Тарасом, и как-то незаметно для себя стал называть его Валентином, Валей, а затем и Валюшиком, как называли его самые близкие (например, Наум Кислик, Федор Ефимов, Александр Дракохруст, Олег Сурский). Русскоязычный «Нёман» был полноводной рекой в белорусской литературе.

В тот год я занес рукопись рассказов в издательство «Беларусь» и незамедлительно получил разгромную внутреннюю рецензию, подписанную довольно известным, по нынешним понятиям вполне одиозным, белорусским писателем. В полном недоумении я поплелся в «Нёман» и показал свою рецензию Валентину Ефимовичу. Он прочитал с явным интересом, а затем приобнял меня за плечи и произнес: «Это еще что! Если будешь так писать и дальше, следующая рецензия будет в форме доноса». И дело не в том, что был я смел и принципиален, — просто не знал и не понимал требований тогдашней советской цензуры. Немало пришлось съесть пудов соли, чтобы понять, что можно, а что нельзя.

Разные качества влекли к нему людей: простота в общении, доброжелательность, писательский профессионализм, но, может быть, особенно острота мышления и чувство юмора. У меня хранится экспромт, который сочинил Валентин Ефимович на приятельском ужине по случаю моего вступления в Союз писателей СССР. Перед тем я уже делал попытку вступить в Союз писателей БССР, но безуспешно. Не думаю, что приемная комиссия почти единодушно проголосовала против из каких-то националистических соображений. Нет, думаю, просто белорусские писатели мало интересовались пишущими на русском языке. Конечно, если ты работал в редакции журнала «Нёман» или в издательстве «Мастацкая літаратура» — имя твое было на слуху, и тогда иное дело. А если где-то там... Нет, не наш человек. И, скорее всего, графоман. (Это теперь вступить в любой из наших двух Союзов так же просто, как путане выйти замуж. А в те времена члены Приемной комиссии, старики-ревнители, стойко охраняли чистоту рядов Союза писателей.)

Как поступали иные? Утирали горькие слезы, а издав следующую книжку, снова собирали рекомендации, подавали заявление. Но я в то время учился на курсах сценаристов и режиссеров в Москве, имел временную прописку и подал документы на вступление в Московский Союз. Здесь приемная комиссия проголосовала за меня почти единодушно. В тот же день я получил телеграмму от московского писателя, моего друга Геннадия Комракова: «Писатель Ждан принят в Союз писателей. Поздравляю Пушкина с этим немаловажным для него обстоятельством».

Тут я должен пояснить, что Олег Ждан — псевдоним, а действительная моя фамилия — Пушкин. (Объяснять происхождение псевдонима не стану — разговор об ином.)

Членство в Союзе — событие по тем временам действительно немаловажное, и несколько дней спустя в доме был накрыт стол. Произносились победные тосты «за» и, конечно, «против»... А вот и экспромт, сочиненный Валентином Ефимовичем, как говорится, «на колене»:

Подали закуску нам —
«Навались, приятели!» —
Наконец-то Пушкина
Приняли в писатели!
И за сей экзамен
Выпьем целый жбан,
Ибо Пушкин нами
Бесконечно ЖДАН!

Листок с криво нацарапанными буквами я храню по сей день.

Несколько раз пришлось мне побывать на семейных праздниках Валентина Ефимовича и Регины Дмитриевны — на днях рождения, юбилеях. Главное впечатление, которое было и осталось, — это общий праздник. Это и наш день рождения, наш юбилей. Это нам говорят возвышенные слова.

Было это на юбилее со дня молодой свадьбы Регины и Валентина. Что-то оказалось не «круглое» в той дате, то ли не хватало нескольких месяцев, то ли... Нет, не помню. Помню, что ироничная Регина произнесла: «Это он боится, что не доживем!» На что Валентин серьезно ответил: «Да, боюсь». Слава Богу, после того юбилея прошло еще много дней... Бесконечно жаль, что счет этим дням для Валентина Ефимовича остановился.

Он любил и гордился своей женой. Следует заметить — было кем: талантливая журналистка, а главное — весьма красивая женщина. Гордился сыном Виталием, вполне унаследовавшим журналистский талант и матери, и отца, а уж что касается внука Антона... Что тут говорить. Здесь и гордость, и тревога, и надежда — в чистом виде дедовская любовь.

Мне довелось несколько раз побывать и на его даче, — в небольшом аккуратном домике среди плодовых деревьев, с цветами вокруг, с обычными для Беларуси грядками. Цветы здесь заботами Регины всегда цвели, грядки обильно плодоносили. «Видишь, как цветут?» — однажды спросил он меня. «Видю, красиво!» — «А знаешь, почему? Она (Реня, Регина Дмитриевна) разговаривает с ними! Утром здороваются, вечером прощается...» Вот так: даже растения понимают и отзываются ей.

А еще он любил своих братьев по ремеслу. Не помню, чтобы слишком критически отзывался о ком-то из них. С иронией, юмором — да, бывало. Прочтите, к примеру, в последней книге Валентина Ефимовича «На выспе ўспаінаў» воспоминания об Игоре Шкляревском, талантливом поэте с трудным характером. Неподдельное восхищение сквозит в каждой строке. Не говоря уже о его отзывах о Рыгоре Бородулине, Василе Быкове, иных.

В одиннадцатом номере журнала «Arche» Валентин Тарас опубликовал основательное эссе («Церушынкi смецця на чыстай падлозе»), посвященное проблемам перевода. Как известно, практика у Валентина Ефимовича в этом жанре была основательная. Он много переводил с белорусского и других языков мира на русский («За полвека переводческой работы я пересоздал десятки тысяч строк!» — заметил однажды), а вместе с Карлосом Шерманом перевел с испанского языка (и опубликовал в «Нёмане») знаменитый роман нобелевского лауреата Габриэля Маркеса «Осень патриарха». Публикацией в «Arche» заинтересовался журнал «Всемирная литература», для которого такие проблемы — наиважнейшие. Мы договорились с Валентином Ефимовичем, что он выскажется по этим проблемам, взяв за основу свое упомянутое эссе, и обсудили примерное содержание будущей статьи. По молодому его голосу казалось, что статья окажется в редакции скоро. И мы не поторапливали Валентина Ефимовича, поскольку высказаться он собирался основательно.

И — не успел...

Несколько раз он выступал по Белорусскому телевидению в юбилейные даты Великой Отечественной войны. Мнение его часто отличались от мнения других ветеранов. Не знаю, как ветераны сегодня оценивают былые события и свои расхождения с Валентином Ефимовичем. Одно могу сказать: Валентин Тарас был и остался патриотом Беларуси. Его подростковый фотоснимок с пилоткой набекрень и медалькой на груди — это портрет поколения, которое вступило в жизнь в тяжелое время для страны и честно прожило отпущенные Богом дни.

Не стану подробно вспоминать, как Валентин Тарас был снят с должности заведующего отделом прозы в журнале «Нёман», а его жена — на тот момент ведущая популярных телепередач «Для вас, женщины» и «Клуб деловых встреч», — была вынуждена уволиться с Белорусского телевидения. Была закрыта для Валентина Тараса и возможность любых публикаций в любых изданиях Беларуси.

И все же без пояснений не обойтись: пришло новое поколение, и о советском периоде нашей истории оно знает в лучшем случае понаслышке.

Было это в 1967—68 гг. Собирались молодые люди — писатели, журналисты, кинематографисты, художники, актеры — выпивали-закусывали, обсуждали события в стране и мире. Естественно, на мир смотрели отнюдь не с «партийной» точки зрения. Как раз в то время А. Солженицын разослал свое знаменитое письмо к съезду Союза писателей СССР, и они его активно обсуждали. В выражениях не стеснялись, высокопоставленных чиновников не щадили. То были единомышленники, так что непримиримых споров не было, но бегала среди них «серая мышка», З. Б., которую, как оказалось, КГБ внедрил в эту компанию. Она и предоставляла в «органы» горячую информацию. В результате вскоре одних исключили из партии, других сняли с работы, третьих понизили в должности. Ну и конечно, все побывали там, в знаменитом доме на Ленинском проспекте.

Нет, чтобы понять всю ту комедию, что разыгралась в Минске, надо почитать об этом в последней книге Валентина Тараса «На выспе ўспамінаў».

Короче, поскольку в родной и милой Беларуси был ему «перекрыт кислород», в поисках заработка он разослал свои повести и рассказы в российские журналы — «Юность», «Пионер», «Костер». И «Костер» тотчас опубликовал рассказ. И что не менее важно — тотчас прислал гонорар. А Валентин, несколько лет живший почти без денег, сразу же пригласил друзей отпраздновать этот факт — мы отправились в кафе «Березка» и пили отнюдь не плодово-ягодное и даже не водку, а закусывали отнюдь не вареной крахмальной колбасой... Нас было много, и от гонорара, думаю, ничего не осталось. Зато настроение поднялось еще выше, поскольку не напрямую зависит от количества денег.

Ну а потом появились публикации в журнале «Юность» — партизанские рассказы и повесть «Первая молния», которыми зачитывались все мы. И — книга с одноименным названием в издательстве «Детская литература» тиражом 75 000 экземпляров. Так что сломить материально Валентина Тараса не удалось. Выручила имперская Россия.

В 1977 г. у меня вышли две книги, одна в Москве, в «Советском писателе», вторая в Минске, в «Мастацкай літаратуры». Валентин Тарас написал на них рецензию. Помню, я шел по городу с журналом «Нёман» в руках, где была опубликована рецензия, и едва не рыдал от счастья (учтем, что совсем недавно мне отказали в приеме в Союз писателей). Но главное произошло потом. «Нёман» в те времена распространялся по всему Советскому Союзу, и скоро мне со всех концов страны полетели письма читателей. Так талантливо была рецензия написана, так искусно преподнесены мои достоинства.

Волей судеб со временем мы оказались в разных Союзах писателей. Не могло это не сказаться и на личных отношениях. Нет, не о конфликтах речь. Просто теперь мы не встречались, хотя и не забывали друг о друге. Время от времени я звонил ему, и, поговорив о том о сем, замечал, что пора бы встретиться. Да, соглашался Валентин Ефимович, пора, пора. Но время шло, а встретиться не получалось. Какая-то неловкость возникла в душах после разделения Союза...

Пора, пора — часто говорим мы, но все и всегда опаздываем. К примеру, книгу «На выспе ўспамінаў» я купил вскоре после того, как она появилась в продаже. Мечтал встретиться и получить автограф, но все откладывал до какого-то удобного случая. Случая не случилось.

Он мог все: писал стихи, прозу, критику, публицистику. А еще мог бы при желании стать актером. Как весело-беззлобно изображал он своих друзей! С какой иронией — руководителей Советского Союза!

Он был весел, остроумен, любил своих друзей и — хочется сказать — врагов. Нет, к врагам он относился с юмором и иронией. Мне кажется, он понимал их лучше, нежели они его.

Чувствую, что мне не удалось написать его портрет. Да это и невозможно. Возвращусь к той метафоре о литературной реке с названием «Нёман». Попробуйте рассказать о звенящих ручьях, впадающих в полноводную реку! Не просто. Надо постоять над ними, пройти вдоль берега, зачерпнуть и испить воды. Таким звенящим ручьем чистой воды был в белорусской литературе Валентин Тарас.